

К 95-ЛЕТИЮ Л.Н. КОГАНА (1923–1997)

В марте этого года исполняется 95 лет со дня рождения советского / российского социолога Льва Наумовича Когана (20 марта 1923 – 15 июля 1997), оставившего яркий след в истории развития нашей науки. По предложению редакционной коллегии журнала член редколлегии, профессор Борис Докторов обратился к ученикам и коллегам Л.Н. Когана с просьбой рассказать о своем наставнике и друге. Ниже приводятся их воспоминания, а также вводный текст составителя.

*Ю.Р. ВИШНЕВСКИЙ, Б.З. ДОКТОРОВ,
Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ, Б.С. ПАВЛОВ*

Л.Н. КОГАН: «Я ЖИЛ»

Аннотация. Подготовленная по случаю 95-летия со дня рождения Льва Наумовича Когана (1923–1997) подборка материалов представляет читателям этого многогранного ученого, учителя ряда поколений

Вишневский Юрий Рудольфович — доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления. **Адрес:** 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** soc_stu@e1.ru

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США). **Электронная почта:** bdoktorov@inbox.ru

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления. **Адрес:** 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** garoldzborovsky@gmail.com

Павлов Борис Сергеевич — доктор философских наук, профессор, в.н.с., Центр стратегического развития территорий, Институт экономики Уральского отделения РАН. **Адрес:** 620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29.

Телефон: +7 (342) 371-45-36. **Электронная почта:** pavlov_boris@mail.ru

социологов и незаурядного человека. Социолог и культуролог, историк и философ, театральный критик и поэт. Он стоял у истоков советской социологии и создал Свердловскую социологическую школу — одну из самых крупных и предметно разнообразных в нашей стране. Его содержательные и яркие выступления никогда не оставляли равнодушными участников конференций самого разного уровня. Под его руководством написано множество кандидатских и докторских диссертаций, в качестве оппонента он был востребован диссертационными советами многих университетов. И все это было для него естественным, одно дополняло другое. Всем этим Лев Наумович жил. Своими воспоминаниями о нем делятся профессоры Ю.Р. Вишневский, Г.Е. Зборовский, Б.С. Павлов; вводный текст написан Б.З. Докторовым.

Ключевые слова: Лев Наумович Коган; жизненная траектория; профессиональная биография; социология; социология культуры; философия культуры; политология; Свердловская социологическая школа; Когановские чтения.

Для цитирования: Вишневский Ю.Р., Докторов Б.З., Зборовский Г.Е., Павлов Б.С. Л.Н. Коган: «Я жил» // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 1. С. 152–175. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5718

ЛЕВ НАУМОВИЧ КОГАН, ЧЕЛОВЕК ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ И ПОТОМУ — СОВРЕМЕННЫЙ (Б.З. Докторов)

Прошло 20 лет после смерти Л.Н. Когана, и можно сказать однозначно: он не забыт. В Екатеринбурге, его родном городе, ежегодно проходят «Когановские чтения», охватывающие широкий круг вопросов социологии и философии культуры, культурологии, этики и эстетики — малой части предметного поля, исследовавшегося Коганом. В 2016 году, в рамках V Всероссийского конгресса социологов, состоявшегося в Екатеринбурге, в Уральском Федеральном университете открылся музей Л.Н. Когана. В 2008 году вышел богато иллюстрированный сборник «Л.Н. Коган. Феномен многогранной творческой личности» [14]. Книга открывается статьей составителей сборника «“Человек эпохи Возрождения” в советские времена», в которой очерчены основные направления научной, педагогической и просветительской деятельности Когана. Утверждение, что он был «человеком эпохи Возрождения», прежде всего связывается не с многообразием его талантов и научных интересов, а с гуманизмом, человечностью Льва Наумовича.

В сборник включены аналитические заметки об исследованиях Л.Н. Когана и воспоминания о нем его друзей, коллег и учеников. И что крайне важно, материалы сборника дают возможность читателю «услышать» самого Л.Н. Когана: его стихи, пять (только пять) устных рассказов, публицистику, серию его театральных рецензий, несколько писем и рисунков. Все это — обязательный материал. Не читая его

и не размышляя над ним, невозможно понять ни самого Когана, ни его творчества.

Потому меня несколько не удивляет то, что в воспоминаниях Юрия Вишневого и Гарольда Зборовского цитируются стихи Льва Наумовича, что Борис Павлов приводит «вольно» написанную историю своего знакомства с Коганом и своего вхождения в социологию. И мне кажется, что заключительные слова стихотворения, приведенного Вишневым: «Я жил» — емко передают жизненную и творческую философию Когана. Поэтому они вынесены в заглавие данной подборки.

Лишь ограниченный объем журнального материала не позволяет мне процитировать несколько очень личных стихов Л.Н. Когана, хотя они интересны тем, что показывают его не трибуном, оратором, не душой дружеских компаний и автором сложных поисковых социологических текстов, а тонким лириком, романтиком, раздумывающим о себе и своей судьбе. И все же приведу несколько строк из биографического стихотворения «40 лет», написанного в 1963 году [14, с. 135]:

Когда сосны уходят вдаль,
Когда подползают сумерки,
Мне хочется быть одному
На мягкой лесной опушке.

Спала дневная жара,
Проснулись косматые тени...
Они протирают глаза...
Час их еще не настал!

Как хорошо, что за днем
И до лунной проседи ночи
Есть еще ласковый вечер,
Есть золотая пора
Когда сосны уходят вдаль...

Воздержусь от монтирования биографии Л.Н. Когана из фрагментов статей о нем, лучше приведу то, что написано им самим: «Вероятно, самое трудное для меня — написать свою биографию. Она совершенно не типична для нашего бурного, динамичного века. Я всю жизнь прожил в Екатеринбурге, где родился в 1923 году в семье врачей. С 1929 года живу в той квартире, где пишу эти строки. Даже номер моего телефона не менялся с довоенного времени. С 1940 года связал свою жизнь с Уральским университетом, где прошел весь путь от студента до профессора, не перепрыгнув ни через одну ступеньку. Даже работая в Академии наук с 1966 по 1977 годы, я оставался на полставки профессором университета. Женился в 1946 году, дожили до золотой свадьбы. С социологией я связал большую часть жизни,

если говорить точно, 44 года. Не надо сомневаться в этой цифре. Один студент на экзамене сказал мне: “Маркс стал марксистом, когда марксизма еще не было”. Упаси Боже, не думаю ни о какой параллели; просто так случилось и со мной» [4, с. 280].

А теперь — краткая биографическая информация. Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Российской академии естественных наук, лауреат премии Ленинского комсомола Л.Н. Коган — один из создателей Уральской социологической школы. В 1966–1971 гг. он возглавлял социологические секторы в Отделе экономических исследований при президиуме Уральского филиала АН СССР. С 1971 по 1977 г. руководил Отделом социологических исследований Института экономики Уральского научного центра АН СССР. Многие годы он возглавлял кафедру социологии Уральского государственного университета. Им подготовлены более 50 докторов и более 170 кандидатов наук.

Л.Н. Коган — автор более 400 научных трудов по проблемам философии, социологии, культурологии и политологии. Наиболее известными из них являются авторские и коллективные монографии: «Кино и зритель» (1968), «Духовный мир советского рабочего» (1972), «Очерки теории социалистической культуры» (1972), «Культурная деятельность» (1981), «Цель и смысл жизни человека» (1984), «Человек и его судьба» (1988), «Интеллигенция» (1996), «Философия серьезная и веселая: очерки о философии Уильяма Шекспира» (1996).

Многогранность личности и творчества Л.Н. Когана воспринимаются как исключительность, парадоксальность. Но они же — залог его современности.

**Л.Н. Коган: жизнь и творчество парадоксального человека
(Ю.Р. Вишневецкий)**

«Я жил»

Моя первая встреча с Львом Наумовичем произошла в октябре 1967 г., когда он вместе с нами, группой молодых уральских социологов, поехал в поезде на конференцию «Молодежь и социализм». Позднее я привык, что Коган — в центре любой компании, даже незнакомых, только встретившихся людей. А тогда — в его переполненном купе, где мы (человек 10–12), кто сидя, кто стоя, провели почти все время пути от Свердловска до Москвы, — меня это его умение как магнитом притягивать к себе людей просто поразило. На всю жизнь мне запомнился прочитанный им бесхитростный стишок: «Сидит заяц на печи / И грызет своя нога... / Отчего грызет нога? / Его участь такова!».

Почти за 30 лет знакомства и дружбы я слышал от Льва Наумовича множество стихов — и его собственных (от глубоких философских

и лирических, писавшихся наедине, до легких, блистательных экспромтов, рождавшихся тут же, записанных на салфетках, бумажках), и творений любимых им поэтов (и всегда поражали тонкость его эстетического вкуса и прекраснейшая память). И все-таки больше всего мне нравится приведенное выше. И не только потому, что оно было первым услышанным от него. Не менее значимо и то, что за несовершенством формы стоит глубокий смысл: *как должен относиться человек к своей судьбе* — подчиниться или творить ее? Эта проблема, созвучная гамлетовскому «быть или не быть — вот в чем вопрос?», — на мой взгляд, стержневая для понимания жизни и творчества Льва Наумовича Когана, — красной нитью проходит через все его работы и исследования. Но никогда исследования и их результаты не были для него самоцелью. Он — жил, и творчество, наука, преподавание были неотделимыми частицами этой Жизни. «Я — жил!» — так, пророчески, он определил свою судьбу — Человека, Учителя, Ученого, «Серьезного» и «Веселого» Философа, размышляющего о цели и смысле жизни, о назначении и судьбе человека, о вечном, преходящем и непреходящем в жизни — в далеком 1961 году:

Пусть чего-то в жизни не добился,
Пусть не смог, не смел, не дотянул,
Пусть ошибся, пусть не доучился,
Пусть не там, не так, не в тех влюбился,
Пусть не ту мелодию тянул.

Знаю я: дорогой в неизвестность
С теми, кто со славою дружил,
Я один пойму, что значит слово «вечность».
Я не лез, не двигался
Я — жил.

И этой формуле «Я — жил!» он следовал всегда.

Человек и культура

Интерес к человеку и культуре, к саморазвивающемуся и само-реализующемуся в культуре человеку проходит через все творчество Когана. От ранних работ о роли личности в истории — через многочисленные статьи, монографии, учебники по философии и социологии культуры — до книг-раздумий, написанных в последние годы жизни.

За многие годы общения с Львом Наумовичем (а это общение давало не меньше, чем его советы и рекомендации) мы — его ученики — не уставали поражаться его «*трудоголизму*» и *устремленности к новому*, нетривиальному подходу ко многим научным проблемам.

Нельзя сказать, что ему удавалось избежать влияния и воздействия стереотипов своего времени. Но сегодня на это можно посмотреть и иначе. Разве идея единства труда и красоты — и это в условиях

господства рутинного, неквалифицированного ручного труда — не обосновывала необходимость качественных изменений в сфере труда? Разве уже в те (1960-е) годы она не была созвучна размышлениям зарубежных философов о «гуманизации технологии»? Не так же ли идеи о культуре как мере реализации сущностных сил человека противоречили официальным представлениям о ней как о сумме ценностей и богатств, которые человек должен лишь усвоить? А само стремление в обосновании деятельностного подхода к культуре опереться на идеи «молодого Маркса» не учило ли тому, что классиков нужно меньше почитать и больше читать? Или вспомнить статью «Не хочу быть объектом!», раскрывавшую основной порок тогдашней теории «коммунистического воспитания». А разве можно обойти его «широкий» подход к культуре, во многом содействовавший выходу отечественной культурологии и социологии культуры за узкие рамки «духовной культуры», переходу к исследованиям материальной, политической культуры, культуры производства?

Одним из первых советских исследователей, в творчестве которого социологический и культурологический анализ имели прочную и естественную взаимосвязь, был Л.Н. Коган, хотя он практически и не пользовался термином «социокультурный». Проявления этой взаимосвязи были разнообразны. Это выражалось в постоянном, практически на протяжении всей творческой деятельности, интересе как к социологическим, так и к культурологическим темам и проблемам, хотя в разные периоды преобладающим мог быть интерес к тому или другому. Реализовался этот интерес и в чтении различных курсов социологического и культурологического характера; и в многочисленных разнообразных публикациях; и в научно-организаторской деятельности: не случайно он много лет был председателем бюро Уральского отделения Советской социологической ассоциации АН СССР и в то же время председателем совета по проблемам культуры при Министерстве высшего образования РСФСР.

Эта взаимосвязь проявлялась и в содержательном плане. Во многих работах в рамках анализа культуры он обращается к анализу ее функций как социального института. Одна из его любимых тем, — тема человекотворчества как главной функции культуры. А отсюда выход на рассмотрение культуры как важнейшего механизма социализации индивида, личности. Чрезвычайно плодотворным представляется понимание культуры как мира социального опыта, как социальной памяти. Анализируя связь и различие культуры и политики, отмечая внешние, самоочевидные связи, он подчеркивал их сложность и глубину и отмечал, что пока общество разделено на классы и слои, его стратификация будет проявляться в культуре.

Особенно отчетливо взаимосвязь социологического и культурологического проявилась в социологических исследованиях культуры,

как в организации и проведении эмпирических штудий, так и в теоретическом обобщении.

Одна из ярких и оригинальных работ Л.Н. Когана — «Зло» — очень личная, глубокая книга. И здесь прослеживается связь социологического и культурологического анализа: «С позиции анализа лишь нравственных конфликтов корни и природу зла постичь невозможно, ибо Зло — не только и даже не столько моральное, сколько социальное явление» [10, с. 5]. Именно социальному злу посвящена одна из глав книги. В то же время он подчеркивал необходимость именно органического единства двух подходов, недопустимость вульгарно-социологических теорий в понимании культуры: Коган замечал, что и сегодня при изучении литературы в школе классика часто рассматривается как иллюстрация социологических схем. Но, по его мнению, жизнь рано или поздно все ставит на свои места.

Провинция. Молодежь

В огромном социокультурном наследии Л.Н. Когана была одна тема, многие годы волновавшая его — и лично, и как предмет научного анализа. Это — проблема провинции, провинциализма и — самое главное — путей реализации ее культурного и духовного потенциала.

Как подчеркивал Л.Н. Коган, в провинции гораздо рельефнее, чем в столицах, проявляется противоположность двух культур: «высокой» и «массовой». Но сегодня — в условиях бурного развития аудиовизуальных СМИ (в том числе Интернета) — происходит известная гомогенизация массовой молодежной культуры, и указанное различие (столица — провинция) отходит на второй план.

Анализ изменений ценностных ориентаций молодежи провинциального города выявил растущее ощущение социальной и культурной ущемленности, которая воспринимается как социальная несправедливость и выступает дополнительным мотивом протестного сознания и поведения молодежи. Еще одно изменение — формирование более широкого понимания культуры, не сводимой к художественной культуре, где преимущество «столиц» наиболее ощутимо. Отсюда растущее осознание ценности здоровья, здорового образа жизни, валеологической культуры, зависящей не только от объективных условий, но и от субъективной готовности, установки. Постепенно меняется представление о способах достижения успеха как жизненной ценности: на смену таким факторам, как везение, стечение обстоятельств, умение рисковать, приходят образование, работа по душе, профессионализм. Основная черта провинциального образа жизни — формальная культура, ее потребительски-развлекательная ориентация — в досуге молодежи остается ведущей и даже усиливается. При том что тенденция к культурной самореализации личности становится все устой-

чивее, именно здесь проявляются наиболее негативные последствия перехода к рыночным отношениям: коммерциализация культуры, несоответствие растущей платы за культурные услуги возможностям значительной части молодежи, сохранение (в условиях бюджетного дефицита) остаточного принципа финансирования местных учреждений культуры. В итоге разрыв между культурными запросами молодых горожан-провинциалов и возможностями их удовлетворения нарастает. В социокультурном плане рыночные реформы наиболее болезненно протекают в провинции. Сужение культурных возможностей, выбора в сфере культуры опасно не только само по себе, но тем, что порождает у молодых горожан-провинциалов установки и привычки довольствоваться малым, тем, что есть.

Судьба

Об Ученом лучше всего говорят его книги. И тем показательнее некоторые строки из его книги «Человек и его судьба» (1988, [13]). Это — одна из многочисленных работ нашего Учителя, достаточно типичная для его творчества, сочетающая легкость стиля с глубиной научного анализа:

«Судьба! Сколько надежд, ожиданий, жалоб, раздумий, проклятий слилось в этом коротком слове! Судьба — неотъемлемый “персонаж” всех мифов, суеверий и религий, в иллюзорной, фантастической форме отразивших реальную человеческую жизнь. Судьба — это неумолимый рок, занесенный, подобно дамоклову мечу, над каждым из смертных, непредсказуемый, ветреный. Случай, подчас трагический, а иногда курьезный. Судьба грозит, шутит, смеется, обманывает, издевается, убивает... Судьба — кладезь несбывшихся мечтаний, неосуществленных желаний, открытая книга человеческих страданий, болезней, смертей. В мрачных кругах дантовского Ада нет ничего придуманного — поэт писал о реальных страданиях людей его эпохи, и не случайно в “Божественной комедии” ад выступает куда более осязаемо, нежели рай! Судьба — враг, с которым приходится вступать в единоборство, подчас не веря в успех этой борьбы, но она — и друг, не раз спасавший в, казалось бы, отчаянных положениях. Она заключает в себе раздумья о жизни, своей собственной и своего народа, своих делов, отцов и современников. Судьба — всепоглощающее время, история — единство прошлого, настоящего и будущего, это — “время жить и время умирать”. Судьбу боятся (“от судьбы не уйдешь”), с ней советуются (“осторожность в обращении с судьбой”), ее презируют (“судьба — индейка”), но вряд ли был на Земле человек, который рано или поздно, пусть в какие-то переломные периоды своей жизни, не задумывался о счастливой и несчастной своей судьбе, о цели и смысле жизни, о выполненном или невыполненном... Понятие судьбы раскрывает границы исторической самостоятельности и исторической зависимости людей... Главный вопрос заключается в том, как человек творит свою судьбу, чем обуславливается выбор им жизненного пути?

Ведь люди действуют в реальной жизни не только по прихоти или руководствуясь собственной фантазией!..» [13, с. 3–5].

Трудно что-то добавить к этим словам Мастера и вряд ли нужно их комментировать. Перечитайте, вдумайтесь, оцените! *Судьба идей Когана* — в философии, культурологии, социологии, эстетике, журналистике — в том, как они и в перспективе будут жить, развиваться, обогащаться, углубляться усилиями его многочисленных учеников, друзей, коллег. Сколько этих идей — в его статьях и выступлениях, в его заметках на полях многочисленных читаемых им научных работ — от диссертаций до студенческих рефератов, в его тетрадях-выписках, заготовках будущих книг (эти тетради имеют самостоятельное значение, они раскрывают окно в его научную лабораторию, показывают обстоятельность и широту подхода к той или иной проблеме, его научную добросовестность и ответственность). *Судьба академика Когана* — научное творчество. *Судьба профессора Когана* — его ученики, коллеги.

Парадоксальный человек

Ж.Т. Тошенко принадлежит книга «Парадоксальный человек». Мне представляется, что парадоксальный человек — это точная характеристика Льва Наумовича как человека и ученого. Парадоксальный в смысле неожиданности, оригинальности убеждений и суждений, оппозиционности по отношению ко всему общепринятому, традиционному.

Действительно, он не был диссидентом, его пугало (точнее — не очень радовало), когда его в очередной раз вызывали в обком партии. И — одновременно — именно в те годы, когда все были марксистами, при этом противопоставляя «молодого, раннего Маркса» (еще не революционера) «позднему, зрелому Марксу» (революционеру, идеологу пролетарской революции), Лев Наумович пропускал через себя подлинного (в его понимании) К. Маркса — гуманиста (коммунизм = гуманизм).

Парадоксальны были и многие идеи и теории Когана. Его поиск 1950-х гг. завершила идея «Труд и красота» (М., 1963). Именно так называлась его книга и защищенная на ее основе докторская диссертация. В ней главным было не столько славословие величию труда советского человека, сколько обоснование важной идеи: человек свободный в таких условиях нормально трудиться не может и не должен. Выражение «Красота спасет мир» у Когана приобретает иной смысл: именно красота должна помочь человеку развиваться.

Столь же парадоксальна его самореализационная теория культуры. И это в ситуации, когда в понимании культуры господствует принцип: хочешь быть культурным — набирай, набирай, набирай извне. А Лев Наумович ставит вопрос иначе (парадоксально!?): а ста-

ли ли эти богатства твоими, насколько ты смог реализовать себя, свои способности?

В своем творчестве Коган применял тот же принцип культурной самореализации — и к себе, и к другим. И не только в рецензиях. Он и в стихах боролся за подлинную культуру. У Льва Наумовича есть цикл стихов о театре. Поражает не только глубина его уважения к тяжелому и сложному актерскому творчеству. Еще больше привлекает его нетерпимость к околотеатральщине, когда главное — не мастерство, а слухи, сплетни. Он театру не давал спуска, когда делали спектакли на потребу зрителя, не развивая его. Одновременно он боролся за культурного зрителя, разбирающегося в театре, ценящего мастерство игры актеров. Таким культурным зрителем, без диалога с которым невозможен театр, был сам Лев Наумович. К этому он призывал своих коллег, учеников, студентов, а через книги и рецензии — широкую аудиторию.

И еще один парадокс: Лев Наумович умел удивлять, но самое главное — умел удивляться!

Мой Л.Н. Коган (Г.Е. Зборовский)

Я узнал Л.Н. Когана раньше других соавторов этой статьи. Это было в 1956 г., когда я учился на историческом факультете Уральского госуниверситета. На втором курсе он пришел к нам читать философские дисциплины — сначала диамат, потом истмат, а на выпускном, пятом, курсе вел историю философии. Читал он великолепно. В его лекции и в него самого студенты были просто влюблены. И хотя это были лекции по философии, а не по социологии (тогда, в 1956–1959 гг., этого слова мы даже не слышали), сам его подход к анализу общественных явлений и процессов был по духу своему скорее социологическим. Конечно, вряд ли тогда это осознавалось в полной мере даже им самим. Я бы сказал, что лекции Когана были не просто содержательными и очень четкими по позициям, но эффектными, яркими, красивыми. Он был блестящим оратором.

Трудно писать в рамках небольшой публикации о человеке, который занимал в твоей жизни на протяжении многих десятилетий значительное место и во многом предопределил твой профессиональный жизненный путь. Давая в 2013 г. большое интервью Б. Докторову [1] и отвечая на его вопрос о том, кто сыграл самую важную роль в моем профессиональном становлении в качестве социолога, я назвал двух людей, одним из которых был Л.Н. Коган, а другим — В.А. Ядов. Я говорил тогда, что есть люди, по отношению к которым ты чувствуешь себя всю жизнь учеником.

Для меня в социологии таким был Л.Н. Коган. Он был человеком, с которым меня соединяли самые тесные узы, особенно в последние годы его жизни. Я был его студентом, но никогда не был его аспиран-

том и докторантом. Он никогда не был моим формальным научным руководителем, но неформальным — всегда. На самом деле, конечно, я считаю себя его учеником и горжусь тем. Лев Наумович был дважды моим официальным оппонентом — на защитах кандидатской и докторской диссертаций.

Он всегда удивлялся тому, что я, не будучи его личным учеником, заметно тяготел к его творчеству (и к нему лично). Я очень любил его не только как ученого, но и как человека, и сейчас, по прошествии более 20 лет со дня его смерти, продолжаю это делать. Разница между Коганом и мной в возрасте (15 лет) была в годы моей социологической молодости громадной. Это потом она стала (разумеется, не в физическом смысле) «стираться» — вплоть до того, что Лев Наумович неоднократно предлагал мне (уже в начале 1990-х) называть его на «ты» и «Леня», то есть так, как звали его самые близкие к нему люди. Но я так и не смог перейти этот барьер, более того, не хотел переходить на такой стиль общения. Он был для меня всегда Учителем на «Вы».

Мне от него сильно доставалось, он критиковал мои работы (как и большинство других) достаточно резко, не всегда, как мне кажется, справедливо. Но у него была такая позиция: близких ему людей он не щадил в критическом запале. Однако это никак не сказывалось на личных отношениях, скорее даже наоборот, еще более усиливало наше общение. Верхом доверия и дружеского расположения ко мне я считал просьбы Льва Наумовича прочесть и быть рецензентом ряда его книг, написанных в 1880–1990-е гг.: «Жить по справедливости» [9], «Человек и его судьба» [13], «Зло» [10], «Вечность» [8], «В четвертом измерении» [7], «Жизнь в поколениях. Классика и современность» [5], «Философия: серьезная и веселая. Очерки о философии Уильяма Шекспира» [12]. При этом просил делать по ним замечания, а затем, после публикации, дарил их с очень теплыми и сейчас разрывающими сердце дарственными надписями. Пишу эти строки и смотрю на его книги, которые стоят в моем большом книжном шкафу на «коганской» книжной полке как самые дорогие реликвии, и все до сих пор живо в памяти. Он писал прекрасные стихи, и небольшая их книжечка тоже передо мною — «Белая обезьяна» (1996) [2].

О Когане могу рассказывать бесконечно, все-таки личное знакомство с ним продолжалось более 40 лет, с 1956 г., когда я впервые услышал его лекции и сдал ему первый экзамен (по диамату), будучи студентом второго курса, и по 1997 г., когда он умер (я был последний раз у него дома за три дня до его смерти).

Конечно, Л.Н. Коган был одним из крупнейших социологов страны. Но не только. Это был уникальный человек. Естественно, каждый человек по-своему неповторим. Однако речь идет о таком таланте, таком личностном и интеллектуальном богатстве человека, которое

позволило ему быть над многими из нас по существу и в то же время оставаться всегда не «над» другими, а «рядом» с ними. Авторитет его был непререкаем, а любовь и уважение — поистине безграничны. Наверное, у него были враги, прежде всего из числа завистников. Таков удел всякого необыкновенного и талантливого человека.

Л.Н. Коган был удивительно разнообразным исследователем, причем не только в области социологии. Он был поистине энциклопедистом в гуманитаристике: философ, социолог, культуролог, эстетик, историк, искусствовед, театровед, киновед... Память у него была феноменальная.

О застольях с его участием до сих пор ходят легенды, лучшего тамады я никогда не слышал. А его устные рассказы, он их называл притчами, можно было слушать бесконечно, причем одни и те же по несколько раз, и каждый раз хохотать до боли в животе. Мне кажется, их было у него около сорока. Мне фантастически повезло, поскольку большую часть из них я слышал, а многие — не по разу. Как правило, эти притчи он рассказывал в застолье. Даже из журнала «Крокодил» к нему специально приезжали с просьбой дать им хотя бы одну притчу, но он категорически отказывался это делать, полагая, что они на бумаге потеряют свой колорит именно устного (причем авторского) рассказа.

Коган был блестящим научным руководителем. Под его руководством было защищено 22 докторские и 182 кандидатские диссертации, причем в подавляющем большинстве это были хорошие работы, халтуру он не пропускал.

Можно было бы много говорить о том, как он выступал официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций. К примеру, на защите моей диссертации, посвященной критическому анализу одного из направлений западной социологии, Коган сказал, что для критики любой буржуазной теории вполне достаточен набор из трех слов: «пресловутый», «якобы» и «в кавычках». Это настолько точно отвечало ситуации, которая существовала в научной жизни в то время (1965 год), что замечание вызвало хохот членов совета и присутствующих. Потом он, правда, доказывал, что диссертант пошел значительно дальше этого интеллектуального «джентльменского набора». Таким путем ему удалось создать вокруг обсуждаемой диссертации позитивное энергетическое поле. Но после этого он вставил мне «фитиль»: я, мол, активно цитирую зарубежных социологов, однако почему-то подбираю такие фрагменты в их работах, с которыми нужно скорее соглашаться, чем их критиковать. Хорошо это или плохо, он тогда не сказал. Зато отметил включение в научный оборот многих терминов и буквально десятков фамилий зарубежных исследователей, про которых у нас никто раньше никогда не слышал. В общем, просветительскую функцию диссертации он поддержал.

Работал Коган всегда много, самозабвенно и со вкусом, получая от процесса писания огромное удовольствие. На любое заседание он приходил с толстой (96 стр.) тетрадь в клеточку и книгами, которые он в нее конспектировал своим знаменитым аккуратным, в наклон, «коганским» почерком. Он никогда не отдыхал так, как это делают обычно люди — по вечерам, субботам и воскресеньям. И в то же время мало кто так много читал, ходил по музеям, театрам, кинотеатрам, концертам, выставкам. Он очень любил поездки в другие города, встречи со старыми друзьями и новыми знакомыми.

Об одной такой поездке я хочу рассказать подробнее. Мне повезло быть в ней вместе с Л.Н. Коганом. Ее продолжительность составила всего сутки. Но какие! Это было в июне 1973 года. Нас пригласили в Казань для участия в работе диссертационного совета. Л.Н. Коган выступал в качестве официального оппонента на защите диссертации одного из моих любимых учеников, тогда аспиранта, а ныне профессора В.Г. Черникова. В аэропорту Казани нас встречали казанские философы и социологи. Они рассадили нас в машины и увезли в гостиницу «Татарстан», где нам был забронирован двухкомнатный «люкс». Холодильник уже был забит продуктами и выпивкой — постарались казанские коллеги. Прилетели мы в час ночи, пока поселились и привели себя в порядок, было уже два часа. И начался пир! За столом нас было человек пять-шесть. Естественно, что в центре внимания был Л.Н. Коган. Он сыпал шутками, анекдотами, рассказывал свои знаменитые притчи. Было много выпито и съедено, время перевалило за четыре часа утра. Я ужасно захотел спать и потихонечку ушел в другую комнату, лег и уснул. Но не тут-то было! Не знаю, проспал ли я более 10–15 минут. Пришел Л.Н. Коган, поднял меня буквально «за шиворот» и спросил своим громоподобным голосом, зачем я приехал в Казань. Если спать, сказал он, то здесь тебе делать нечего. Мне пришлось снова сесть за стол и продолжить пиршество, изображая интерес к тому, что происходило за столом. Но спать хотелось ужасно. В конце концов мне удалось улизнуть и немного поспать.

Сколько гости еще сидели за столом вместе с Коганом, я не знаю. Думаю, что часов до шести утра. А в восемь часов он поднял меня, сказал, что уже выспался, после чего мы быстро позавтракали в буфете.

А дальше началось самое фантастическое — экскурсия по Кремлю и Казани. Других таких экскурсий в своей жизни я не помню. Л.Н. Коган рассказывал о Казани просто блестяще, прохожие иногда останавливались или шли за нами, чтобы послушать; громкий голос Льва Наумовича был хорошо слышен на некотором расстоянии. Я был в Казани впервые, и мне все было ново и безумно интересно. Помимо центра города и Кремля, он хорошо знал близлежащие

книжные магазины, куда мы заходили и кое-что покупали в каждом из них. Экскурсия продолжалась около четырех часов. К часу дня мы пришли в гостиницу «Татарстан», чтобы пообедать в ресторане, а потом пойти в Казанский университет, где в 14.00 собирались аспиранты и соискатели, чтобы получить консультацию у Л.Н. Когана. Сама защита была назначена на 15.00. Все так и было бы, если бы не одно обстоятельство.

Когда мы сели за стол в ресторане и заказали обед, к нам за стол официант посадил мужчину. Посмотрев на него, Л.Н. Коган обратился к нему с вопросом: «Что-то мне Ваше лицо знакомо. Где-то я Вас видел. Вы, случайно, не театральный человек?» И тогда наш собеседник представился нам, сказав, что он актер Театра на Малой Бронной Леонид Сергеевич Броневой. (В то время к нему еще не пришла та популярность, которая буквально через год на него обрушилась после выхода на телевизионный экран «17 мгновений весны»). Надо сказать, что в июне 1973 г. этот театр как раз был в Казани на гастролях, после окончания которых должен был поехать в Свердловск. И Л.Н. Коган, конечно, об этом хорошо знал. Надо ли специально говорить о том, насколько Льву Наумовичу, этому блестящему знатоку театра и театральному критику, были интересны знакомство и разговор с Л.С. Броневым!

Тут же Коган заказал бутылку коньяку. На мое робкое возражение, что впереди консультации и защита и, может быть, не надо его пить, Лев Наумович сказал что-то вроде: «Молчи и пей, и вообще не твое это дело». Обед продолжался вместо часа почти два, коньяк, естественно, был весь выпит. Но самым интересным был разговор. Л.Н. Коган подробно расспрашивал Броневого о его работах в театре, о спектаклях, которые прекрасно знал. Именно от Броневого мы впервые услышали о съемках фильма «17 мгновений весны». Слишком подробно Броневой о нем не говорил, но сообщил, что играет такого немца, которого у нас на экране еще не было (это была роль Мюллера). Лев Наумович сказал ему, что давно хочет посмотреть спектакль «Ромео и Джульетта» с О. Яковлевой в главной роли (она ему очень нравилась) и обещал написать рецензию на этот спектакль. Именно это он и сделал в июле все того же 1973 года. Л.С. Броневой дал Л.Н. Когану свой домашний адрес в Москве, и мы расстались большими друзьями.

Естественно, в Казанском университете нас потеряли и очень волновались, особенно многочисленные аспиранты, которые мечтали увидеть и услышать Когана, получить от него идеи, замечания, консультации, что он всегда мастерски делал. В результате защиту пришлось сместить на час позднее, зато консультации были даны. Л.Н. Коган привлек к этой работе и меня (только-только защитившего докторскую диссертацию), и я увидел еще один урок коганского интеллектуального величия. Главное — с какой щедростью он одаривал

аспирантов идеями. Он постоянно обращался и ко мне с вопросами типа «что я думаю на этот счет».

Защита диссертации прошла великолепно, Л.Н. Коган блистал глубиной анализа и остроумием, всех обаял. После защиты каждый член диссертационного совета подходил к нему, благодарил и обменивался с ним какими-то суждениями. На банкете Лев Наумович был тамадой и, как обычно, блестящим рассказчиком.

В тот же вечер, прямо с банкета, Л.Н. Когана увезли на машине в аэропорт, поскольку он не мог задерживаться в силу каких-то срочных дел в Свердловске. А я остался в Казани еще на день, гулял теперь уже по «коганским местам», с грустью вспоминая так быстро промелькнувшие сутки. Тогда я еще не понимал до конца, что это было за счастье жить и работать рядом с такой «глыбой», таким «львом». Настоящее понимание этого пришло только после смерти Л.Н. Когана. Часто вспоминается: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем»...

Заканчивая разговор о Л.Н. Когане, скажу, что за время, прошедшее после его смерти, он абсолютно не забыт. В память о Когане в Екатеринбурге ежегодно проводятся Коганские чтения, приобретен статус международной конференции. С 1997 г. было проведено 20 научных конференций. На каждой из них (вплоть до 2013 г.) я выступал с пленарным докладом. Это было моей данью памяти любимому ученому и человеку. Когда я работал со студентами, то каждый учебный год на первом курсе социологического факультета Гуманитарного университета начинал лекцией о Л.Н. Когане как основателе Уральской социологической школы, его вкладе в социологию.

Студенты пишут работы о его творчестве, его ученики постоянно цитируют ученого. Про себя лично могу сказать, что его «Социологию культуры» [11] использую регулярно, хотя прошло более 25 лет со времени ее издания. Мне было у кого учиться, и за это я благодарен судьбе. Это вовсе не значит, что я идеализирую Когана, да он в этом и нуждается. Конечно, он был сыном своего времени, он не взрывал его идеологию и даже не угрожал ей, но мастерски адаптировал ее под свои исследовательские задачи и показывал всем, как это нужно делать. Однако, что важно отметить, его работы 1990-х гг. уже смотрели в XXI век. И вполне был прав один из любимых учеников Когана Владимир Волков (тоже ушедший из жизни) в стихотворении «Памяти Льва Наумовича Когана», зачитанном им на поминках 18 июля, когда в последних строках писал:

Не прижился к врачам и палатам,
Взбунтовался Лев-Человек.
И ушел. Но не в этот, Двадцатый.
А вперед — в Двадцать первый век!

**КАК СОЗДАВАЛАСЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА Л.Н. КОГАНА
В АКАДЕМИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (Б.С. Павлов)**

В памяти тех, кто жил и работал рядом со Львом Наумовичем Коганом, он остался абсолютно неординарным человеком. Мы бы рискнули даже сказать — «сверхчеловеком», этаким «глыбой». Он был крупным мужчиной, но не только и даже не столько физически. Главным был его интеллект и фантастический талант ученого, педагога, человека. Не случайно его называли энциклопедистом. Сколько наук — социология, философия, культурология, политология, этика, эстетика, журналистика и театроведение — по праву считали и считают его своим! И насколько широк диапазон его научных интересов и публикаций! Опираясь на разнообразные исследования политической, художественной, экономической культуры, культуры производства, Л.Н. Коган писал о красоте труда и подъеме культурно-технического уровня советского рабочего класса. В целом в его деятельности четко просматриваются «три крыла», или три ветви в формировании на Урале социологической науки: «вузовская», «заводская» и «академическая» Здесь мы кратко остановимся на развитии третьего направления.

Уже сложившимся и известным ученым Л.Н. Коган в январе 1966 г. возглавил сектор изучения духовной жизни советского общества, который впоследствии стал называться сектором социологии культуры Института экономики УНЦ АН СССР. А за четыре года до этого 39-летний доцент кафедры философии Уральского госуниверситета успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Социологические проблемы коммунистического труда»; в 40 лет он стал профессором, заведующим кафедрой научного коммунизма УрГУ. Социологическая наука была тогда на Урале еще очень молода, кадры социологов малочисленны и разрозненны. И сектор, который возглавил Л.Н. Коган, стал координирующим в системе социологических исследований проблем труда и культуры в Уральском регионе, базой подготовки квалифицированных социологов.

В середине 1970-х окончательно оформились и укрепились основные исследовательские направления сектора, сложились устойчивые проблемно-тематические группы. Стержневой, профильной для сектора была группа планирования (рук. — к. филос. н. А.Ф. Шарова). Она изучала особенности функционирования территориальной сети массовых учреждений культуры и досуга — главным образом клубов и библиотек, занималась планированием развития культурной сферы и совершенствованием механизмов управления ею.

Проблемы развития учреждений художественной культуры и средств массовой коммуникации (кинематограф, театр, телевидение), формирования потребностей, интересов и вкусов их аудитории

стали основным предметом исследований группы (рук. — к. филос. н. В.И. Волков). На разных этапах становления сектора в той или иной степени изучались различные аспекты образования и научно-технического творчества — важные слагаемые культуры. Собственно культурная тематика органично дополнялась исследованием личностного творческого потенциала работника и социально-психологических взаимоотношений в трудовом коллективе (группа Л.И. Иванько).

Начало «семейной» проблематики в ИЭ УрО РАН было положено в 1974 г., когда «группой семьи» (рук. — к. филос. н. Б.С. Павлов) в Оренбургской области было проведено конкретно-социологическое исследование на тему «Производственно-профессиональная преемственность и сотрудничество поколений в семье». Далее в течение четверти века объекты и аспекты изучения уральской семьи постоянно расширялись, охватив не только большинство областей Урала, но и территории Тюменского Севера.

Помимо штатных тематических групп в составе сектора был многочисленный коллектив исследователей, работавших по хозяйственным договорам, так или иначе связанным с культурологической проблематикой. Обязательным было участие в масштабных исследованиях и аспирантов. За первые десять лет существования сектора через его аспирантуру прошло более 30 молодых ученых, получивших впоследствии степени кандидата и доктора философских наук.

Результатом такого подхода к социологическим исследованиям был двойной эффект. С одной стороны, отвечая на потребности практики, молодой научный коллектив участвовал в разработке и совершенствовании типовых методик перспективного социального планирования, выполняя тем самым функции, возложенные на академическое подразделение. С другой стороны, сотрудники сектора обогащали свой исследовательский опыт, осваивали новые методы и инструменты конкретно-социологического анализа, расширяли и закрепляли деловые и дружеские контакты с реальными и потенциальными партнерами. Накопленный научно-организационный потенциал позволил на следующем этапе и более верно ориентироваться в выборе направлений и объектов научного поиска, сосредоточить усилия на выполнении профильных исследований, непосредственно связанных с культурной проблематикой.

Между тем комплексный, многоаспектный подход к изучению культуры, характерный для исследований сектора в середине 1970-х годов, вовсе не был предопределен заранее, а явился итогом почти десятилетнего развития вновь образованного научного коллектива. Начало его становления было связано в первую очередь с разработкой серии комплексных планов социального развития, заказчиками которых выступали и крупные предприятия (Северский трубный

завод, Среднеуральский медеплавильный завод и т. д.), и администрации различных территорий (ряд городов и районов Свердловской, Курганской и Оренбургской областей). Свидетельством роста научного авторитета уральских социологов стало получение заказов на социальное планирование из союзных республик, в том числе с Украины (Севастопольский морской завод, г. Николаев) и Таджикистана (Нурекская ГЭС).

Постоянным полигоном для проведения социологических исследований социокультурной сферы и местом реализации выполненных на их основе проектов становится крупнейший индустриальный центр нашей области Нижний Тагил. В 1972 г. для этого города был разработан первый «Перспективный план развития сферы образования и культуры до 1980 года», и эта работа продолжалась и далее.

Одна из областей, к которой Л.Н. Коган проявлял особое внимание, это социология культуры, а точнее — изучение самореализующегося в культуре человека. Коган рассматривал культуру «как меру реализации сущностных сил человека» в его жизнедеятельности. Тем самым центр внимания переносился на способности и потребности человека и их реализацию в творческом процессе. Были выделены и стали изучаться учениками Л.Н. Когана такие компоненты, как духовное производство — духовное потребление — духовное распределение. Критикуя господствовавшее в то время узкоаксиологическое понимание культуры, Л.Н. Коган отмечал, что «духовную культуру неправильно рассматривать только как совокупность накопленных обществом духовных ценностей. Культура народа — не музей, не антикварное хранилище. Это — живой процесс человеческой деятельности, включающей производство, сохранение, распределение и потребление духовных ценностей, причем каждый из перечисленных элементов характеризуется степенью участия самых широких народных масс» [2, с. 3–4]. При этом им подчеркивалось, что «чтение художественной или научной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма — тоже творчество» [2, с. 12]. Проводившиеся под руководством Л.Н. Когана — одни из первых в стране — социологические исследования читательской и театральной, кино- и телеаудитории, художественной самодеятельности были нацелены на то, чтобы выявить и зафиксировать то, каким сложным и противоречивым (и — одновременно — важным для культурного развития человека) является это сотворчество. Эти исследования имели огромное практическое значение. Особенно для практики воспитания. Лев Наумович, вынужденный работать в рамках официальных идеологических установок, которые он не мог игнорировать, выходил на проблематику изучения повседневных проявлений культуры. В частности, гораздо глубже — с акцентом на активность человека — стало рассматриваться воспи-

тание: «Воспитание есть не что иное, как превращение личности из объекта воздействия культуры в творца и создателя культуры. В этом смысле духовно богатый человек — одновременно и объект, и субъект культуры» [10, с. 13].

В дальнейшем в секторе развернулись социологические исследования проблем планирования и развития сети культпросветучреждений, уровня художественной культуры трудящихся Урала, научно-технического творчества, культуры рабочей семьи и т. д., а к концу 1970-х годов — социалистического образа жизни коллективов трудящихся крупных промышленных предприятий.

В 1970-х годах сектор, возглавляемый Л.Н. Коганом, выдвинулся в число ведущих советских научных центров социологии художественной культуры, где развитие теории новой отрасли знания обеспечивалось широким фронтом конкретно-социологических исследований в сфере искусства и массовых коммуникаций. Изучение потребностей, интересов и вкусов различных категорий читателей, зрительской и слушательской аудитории сочеталось с анализом эффективности деятельности учреждений художественной культуры в городской и сельской среде.

Положительный эффект научно-практических разработок в области территориального планирования и управления отраслью культуры имел широкий резонанс. В середине 1970-х годов по поручению Министерства культуры РСФСР культурологам Института экономики УНЦ СССР было поручено выступить в роли головной организации по методологическому обеспечению разработки долгосрочного плана совершенствования культурного обслуживания населения страны. Руководитель группы планирования А.Ф. Шарова даже вошла в состав Научно-методического совета Минкульта России. Сотрудниками группы изучались различные аспекты функционирования территориальных сетей учреждений культуры, в первую очередь — клубов и библиотек, в том числе уровень обеспеченности ими жителей города и села; степень доступности; соответствие форм деятельности, набора и качества предлагаемых услуг потребностям и интересам посетителям разных категорий и др.

Следование основным принципам, которые Л.Н. Коган неустанно внедрял в деятельность руководимого им коллектива, в том числе стремление к постоянному теоретическому осмыслению современных потребностей социальной практики, непрерывное совершенствование методологии и инструментария социологического анализа, поиск оптимального сочетания запросов заказчика и научных интересов исполнителей, так или иначе проявлялось во всех крупных исследовательских проектах, осуществленных сектором в 1970–1980-е годы. Многие из них выполнены по прямым заказам или договорам о со-

трудничестве с центральными ведомствами (в том числе ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ), союзными и региональными органами управления культуры, ведущими научно-исследовательскими учреждениями отрасли. В 1982–1986 гг. по разработанным совместно с ВНИИ искусствознания Министерства культуры и АН СССР программам и анкетам культурологи принимали участие во всесоюзном исследовании художественных потребностей и интересов населения (выборочный опрос и обобщение результатов исследования по территориям Урала). Цикл исследований по проблемам театра (при участии Центрального и региональных отделений ВТО) включал изучение различных сторон функционирования учреждений сценического искусства и их взаимоотношений с публикой, в том числе состава и структуры интересов зрительской аудитории; анализ репертуара и гастрольной деятельности областных и городских театров, театральной культуры уральского села и т. д. В рамках специального проекта «Актер и зритель» было проведено 80 анкет-интервью с ведущими актерами столичных и свердловских театров, осуществлена запись зрительских реакций на гастрольных спектаклях БДТ им. А.М. Горького.

Наряду с кинематографом, театром и другими видами искусств заметное место в исследовательских программах сектора занимало телевидение, роль которого в современных социокультурных и информационных процессах постоянно возрастала. Изучение структуры программ телевизионных студий Урала (Свердловская, Оренбургская, Удмуртская), сравнительный анализ популярности передач Центрального и местного телевидения проводились как в рамках всесоюзного исследования (совместно с Всесоюзным научно-исследовательским институтом телевидения и радиовещания), так и по заказу региональных телерадиокомитетов. Коллективная монография «Телевизионная аудитория: структура, ориентации, культурная активность» (Свердловск, 1973 г.), цикл статей в центральном отраслевом журнале «Телевидение и радиовещание» были в числе первых научных публикаций, обобщающих опыт конкретно-социологических исследований отечественного телевидения.

В коллективе сложилась благоприятная среда для роста научной квалификации каждого из сотрудников, а сам сектор в целом принял на себя функции своеобразного учебно-методического центра для вузовских и производственных социологов. С начала 1970-х годов при секторе была открыта стажировка для профильных специалистов из разных областей и союзных республик, с 1975 г. — организована учебная социологическая практика студентов философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького, осуществлялось руководство их курсовыми и дипломными работами. Сектор стал своего рода учебно-консультационным пунктом

Уральской межобластной школы заводских социологов, а ее слушателям отдавалось предпочтение при приеме в заочную аспирантуру.

И закончить этот текст мне хотелось бы написанной в духе устных рассказов Льва Наумовича Когана историей о том, как он сделал меня социологом.

Сентябрь 1970 года, Кабинет комсомольской работы Свердловского областного комитета ВЛКСМ. Большой эллипсовидный стол. На столе с полдюжины полувыпитых бутылок разнокалиберной крепости. По всему столу россыпь чего-то, служащего нехитрой закуской. Тосты явно «незакомсомол» и «незапартию». С десяток полуразогретых обкомовцев «смотрят в рот» рассказчику — внештатному консультанту-эксперту Областного «Института молодежных проблем»... Это был Л.Н.

Слово за словом, рюмка за рюмкою, байка за байкою, сопровождаемые всплесками смеха... Остро запахло надвигающимся дефицитом спиртного. Л.Н. вытащил из кармана десятку и, сунув ее белобрысому соседу, вкрадчиво (без афиши) попросил: «Сбегай, милый, до угла, возьми подкрепление...». Долговязого комсомольца не надо было просить дважды... Через пять-семь минут на столе появилась новая порция живительной влаги. Опять тосты и опять «незакомсомол»...

Уставший от монолога, Л.Н. попытался перейти к диалогу с сидящим рядом его посланцем в винную лавку с вопроса: «Тебя как зовут?». «Борис» — ответил я. «А чем ты занимаешься здесь в обкоме, Боря?». «Веду областную молодежную политсеть, курирую работу вечерних школ, молодежных редакций радио и ТВ...». «А еще чем-нибудь путным занимаешься?»... «Ну, еще рабочие общежития веду...» — промямлил Я. «Во-во-во, это интересно.» — всколыхнулся Л.Н. «Займись ими, Боря, серьезнее...». Два раза мне не надо было повторять... В следующем сентябре в секторе появился новый аспирант. А через два года он превратился в кандидата философских наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.З.* Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е доп. изд. / Ред.-конс. А.Н. Алексеев; Ред. электр. издания Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014–2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 01.02.2018. URL: <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&id=69>.
2. *Коган Л.Н.* Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих / Академия наук СССР; Под ред. Л.Н. Когана, М.П. Козлова. Вып. 1. Свердловск: РИСО УФАН СССР, 1969. С. 3–18.
3. *Коган Л.Н.* Личность и культура // Социализм и личность. М., 1979. С. 130–152.
4. *Коган Л.Н.* «Неповторимая романтика социологии» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред.

- Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт. 1999. С. 280–300.
5. *Коган Л.Н.* Жизнь в поколениях. Классика и современность. Екатеринбург: УГТУ, 1995. — 36 с.
 6. *Коган Л.* Белая обезьяна. Екатеринбург: УрГУ, 1996. — 28 с.
 7. *Коган Л.Н.* В четвертом измерении. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994. — 192 с.
 8. *Коган Л.Н.* Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994. — 208 с.
 9. *Коган Л.Н.* Жить по справедливости. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1988. — 176 с.
 10. *Коган Л.Н.* Зло. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 112 с.
 11. *Коган Л.Н.* Социология культуры. Свердловск: УрГУ, 1992. — 120 с.
 12. *Коган Л.Н.* Философия: серьезная и веселая. Очерки о философии Уильяма Шекспира. Челябинск: ЧИРПО, 1996. — 154 с.
 13. *Коган Л.Н.* Человек и его судьба. М.: Мысль, 1988. — 267 с.
 14. Л.Н. Коган: Феномен многогранной творческой личности. Материалы юбилейной конференции (Екатеринбург, 18 марта 2008 года) / Отв. ред. Ю.Р. Вишневецкий. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2008. — 251 с.

Дата поступления: 14.02.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2018. VOL. 24. No. 1. P. 152–175. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5718

Yu.R. VISHNEVSKY, G.E. ZBOROVSKY

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.

B.Z. DOKTOROV

Independent researcher, USA.

B.S. PAVLOV

Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg), Ekaterinburg, Russian Federation.

Yuriy R. Vishnevsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Address:** bl. 19, Mira str., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** soc_stu@e1.ru

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Independent researcher (USA). **Email:** bdoktorov@inbox.ru

Garold E. Zborovsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Address:** bl. 19, Mira str., 620002, Ekaterinburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.ru

Boris S. Pavlov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, The Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg). **Address:** bl. 29, Moskovskaya str., 620014, Ekaterinburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (343) 371-45-36. **Email:** pavlov_boris@mail.ru

L.N. KOGAN: “I LIVED”

Abstract. This collection of materials, gathered for the momentous occasion of 95 years since the birth of Lev Naumovich Kogan (1923–1997), presents to the reader this multifaceted scientist, an extraordinary human being who mentored a number of generations of sociologists. He was a sociologist, an expert in culture, a historian and philosopher, a theatrical critic and a poet. He stood at the origins of Soviet sociology and founded the Sverdlovsk school of sociology, one of the largest and substantively diverse in our entire country. His thoughtful and brilliant speeches at conferences of various tiers have never left anyone participating indifferent. Plenty of candidate’s and doctoral dissertations were written under his guidance, and he has always been a sought after opponent for dissertational boards by many universities. This was always natural for him, one thing complemented the other. This was all a key part of Lev Naumovich’s life. Professors Yu.R. Vishnevsky, G.E. Zborovsky, B.S. Pavlov presents their memoirs about him; the introductory text was written by Professor B.Z. Doktorov.

Keywords: Lev Naumovich Kogan; life trajectory; professional biography; sociology; sociology of culture; cultural philosophy; political science; Sverdlovsk school of sociology; Kogan’s readings.

For citation: Vishnevsky Yu.R., Doktorov B.Z., Zborovsky G.E. Pavlov B.S. L.N. Kogan: “I lived”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 152–175. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5718

REFERENCES

1. Doktorov B.Z. *Biograficheskie interv'y u s kollegami-sotsiologami*. [Biographical interviews with colleagues-sociologists.] 4th Suppl. ed. Ed. by A.N. Alekseev, E.I. Grigor'eva. Moscow: TsSPiM publ., 2014–2017. Accessed 01.02.2018. URL: <http://www.socio-prognoz.ru/index.php?page_id=128&id=69>. (In Russ.)
2. Kogan L.N. Spiritual production and culture. *Voprosy dukhovnoi kul'tury sovetskikh rabochikh*. [The questions of the spiritual culture of the Soviet workers.] Ed. by L.N. Kogan, M.P. Kozlov. Vol. 1. Sverdlovsk: RISO UFAN SSSR publ., 1969. P. 3–18. (In Russ.)
3. Kogan L.N. *Personality and Culture. Sotsializm i lichnost': Sb. statei*. [Socialism and Personality: Collection of Articles.] Ed. by V.M. Chkhikvadze. Moscow: IGPAN publ., 1979. P. 130–152. (In Russ.)
4. Kogan L.N. “The unique romance of sociology”. *Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov v vospominaniyakh i dokumentakh*. [Russian sociology of the sixties in memoirs and documents.] Ed. by G.S. Batygin. St Petersburg: Russkii khristianskii humanitarnyi institut publ., 1999. P. 280–300. (In Russ.)
5. Kogan L.N. *Zhizn' v pokoleniyakh. Klassika i sovremennost'*. [Life in generations. Classics and modernity.] Ekaterinburg: UGTU publ., 1995. 36 p. (In Russ.)
6. Kogan L. *Belaya obez'yana*. [White monkey.] Ekaterinburg: UrGU publ., 1996. 28 p.
7. Kogan L.N. *V chetvertom izmerenii*. [In the fourth dimension.] Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. ped. in-ta publ., 1994. 192 p. (In Russ.)
8. Kogan L.N. *Vechnost'. Prekhodyashchee i neprekhodnyashchee v zhizni cheloveka*. [Eternity. Transient and perpetual in human life.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta publ., 1994. 208 p. (In Russ.)

9. Kogan L.N. *Zhit' po spravedlivosti*. [To live in justice.] Sverdlovsk: Sr.-Ural. kn. izd-vo publ., 1988. 176 p. (In Russ.)
10. Kogan L.N. *Zlo*. [Evil.] Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta publ., 1992. 112 p. (In Russ.)
11. Kogan L.N. *Sotsiologiya kul'tury*. [Sociology of Culture.] Sverdlovsk: UrGU publ., 1992. 120 p. (In Russ.)
12. Kogan L.N. *Filosofiya: ser'eznaya i veselaya. Ocherki o filosofii Uil'yama Shekspira*. [Philosophy: serious and cheerful. Essays on the philosophy of William Shakespeare.] Chelyabinsk: ChIRPO publ., 1996. 154 p. (In Russ.)
13. Kogan L.N. *Chelovek i ego sud'ba*. [Man and his destiny.] Moscow: Mysl' publ., 1988. 267 p. (In Russ.)
14. *L.N. Kogan: Fenomen mnogogrannoi tvorcheskoi lichnosti. Materialy yubileinoi konferentsii (Ekaterinburg, 18 marta 2008 goda)*. [L.N. Kogan: The phenomenon of a multifaceted creative personality. Materials of the jubilee conference (Ekaterinburg, March 18, 2008).] Ed. by Yu.R. Vishnevsky. Ekaterinburg: IPTs "Maska" publ., 2008. 251 p. (In Russ.)

Received: 03.02.2017.
